

РАЗДЕЛ 1

НАУКА КАК СОЦИКУЛЬТУРНЫЙ И ЦЕННОСТНЫЙ ФЕНОМЕН ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Л. М. Андрюхина
г. Екатеринбург

НАУЧНАЯ КУЛЬТУРА И МИР ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Информационное общество чаще всего описывается на языке и в моделях потоков, мегатрендов, глобализации, смены технологических волн, и в меньшей мере речь идет об изменениях в самом человеке, в его моделях поведения и взаимоотношениях людей. Создается впечатление, что человек — это лишь материал, песчинка, неизбежно вовлекаемая в водоворот наступающих перемен, которые все равно произойдут, несмотря на то, успеет ли человек адаптироваться к ним или так и останется в состоянии «шока будущего». Такое объективистское рассмотрение человека вступает в противоречие с прогнозируемым ростом личностной автономии и возрастанием роли индивидуальности и индивидуальной ответственности. Это происходит потому, что в большей части исследований, посвященных информационному обществу, нет анализа культурных ресурсов, на которые может опереться человек, чтобы совладать с прогнозируемыми и уже просматриваемыми в наступившем третьем тысячелетии социальными реалиями. Все должно измениться, предрекают футурологи, и наука, и образование, и культура в целом, но что может быть опорой современному человеку в ныне существующей науке, в политике, религии, образовании и т. д., опорой в том, чтобы состояться, сохранить человечность и обрести новые качества в новую информационную эпоху? Более того, не является ли порочным сам подход: в деталях прописывающий происходящие как бы за спиной человека процессы глобальных изменений и уже только после этого ставящий перед человеком задачу — адаптироваться или кануть в лету перемен? Это подход, бесконечно утрашающий человека и ничего не говорящий о его силах и возможностях. Однако если будущее только утрашает, то настоящее теряет смысл и оборачивается катастрофой для человека уже сегодня, а не в далеком будущем.

На наш взгляд, вопрос пужно поставить иначе: на фоне происходящих преобразований важно не просто выявление общих мегатрендов глобального развития, но переход к анализу пространства, может быть, локальных, повседневных и подчас менее заметных, сопряженных изменений человека и культуры. И именно состоятельность человека, то, насколько он сможет пайти в науке, образовании или в религии и т. д. ресурсы своего развития, станет решающим фактором в определении перспектив тех или иных областей современной культуры, их сохранения, трансформации или ухода со сцены истории.

В предлагаемой статье мы предпримем попытку проанализировать возможности и тенденции развития науки и образования как ресурсов становления человека информационной эпохи. Нас будут интересовать три основных вопроса: а) исследование возможностей науки и образования как ресурсов индивидуальной состоятельности человека; б) как метапространства встречи и коммуникации индивидуальностей; в) как возможности сопряжения глобального и индивидуального в пространствах повседневного бытия человека.

Наука как источник индивидуальной состоятельности человека в культуре

Согласно Э. Тоффлеру, у каждой цивилизации есть свой скрытый код — система правил или принципов, отражающихся во всех сферах ее деятельности, подобно некоему единому плану. С распространением индустриализма по всей планете становится зримым присущий ему уникальный внутренний план. Он состоит из системы шести взаимосвязанных принципов, программирующей поведение миллионов. Естественным образом вырастая из разрыва между производством и потреблением, эти принципы влияют на все аспекты человеческой жизни — от секса и спорта до работы и войны. К ним Тоффлер относит такие принципы, как стандартизация, специализация, концентрация, синхронизация, централизация и максимизация.

Цивилизация Второй волны не только изменила технологию, природу и культуру. Она изменила личность, способствуя появлению нового социального типа.

Человек индустриальной эпохи (Industrial Man) отличался от всех своих предшественников. Он повелевал мощностями, которые в значительной степени повышали его слабые силы. Большую часть жизни он проводил в производственной среде, соприкасаясь с машинами и организациями, которые подавляли личность.

С детства его учили, что выживание главным образом зависит от денег. Как правило, он вырастал в нуклеарной семье и ходил в стандартную школу. Представление о мире в основном складывалось у него благодаря средствам массовой информации. Он работал в крупном акционерном обществе или состоял на государственной службе, был членом профсоюза, относился к определенному церковному приходу, входил в другие организации — в каждом из этих мест он оставлял часть своего делимого «Я». Он все меньше отождествлял себя со своей деревней или городом, а соотносил себя со страной в целом. Он ощущал свое противостояние природе, в процессе трудовой деятельности он постоянно эксплуатировал ее. И все же он парадоксальным образом стремился провести уикенд на лоне природы. (В самом деле, чем более жестоко он обходился с природой, тем сильнее романтизировал ее и чтил на словах.) Он научился воспринимать себя частью громадной взаимозависимой экономической, социальной и политической системы, постичь которую в целом было выше его понимания. Сталкиваясь с подобной реальностью, он протестовал, но безуспешно. Он вел борьбу за существование. Он научился играть в игры, которые ему навязывало общество, приравнивался к отведенной ему роли, часто ненавидя все это и ощущая себя жертвой той системы, которая повышала его жизненный уровень.

Сегодня, даже когда строятся новые заводы, цивилизация, превратившая завод в храм, умирает.

На смену шести принципам общества Второй волны приходит демассификация производства, массмедиа и сознания; на смену накачке сознания потоком стандартизированных образов и формированию унифицированного массового сознания приходит клип-культура, позволяющая развивать разнообразие моделей и систем образов. Происходит разрастание «производства для себя» и демаркетизация рынка, десинхронизация жизни и появление многообразия временных ритмов, децентрализация организационных структур и управления, возрастание роли регионального и локального — все это, согласно Тоффлеру, высвобождает пространства индивидуального, приводит к росту автономии личности, к социальной реальности многообразных стилей жизни и конфигураций потребления [1, 92, 101, 104].

Как вписывается в этот процесс развитие науки? Вскормленная идеями Просвещения наука Нового времени явила собой прогрессирующую социальную машину производства технологического знания (знания как основания технологий). Прогресс науки стал возможен благодаря формированию особого типа объекти-

вированного субъекта и целерациональных процедур испытания природы. Согласно программе Ф. Бэкона, претворяемой в последующем Р. Декартом, И. Кантом, Г. Гегелем, человек, чтобы достичь состояния объективированного субъекта, т. е. такого субъекта, который не вносит возмущений и изменений в объект и саму позицию которого можно сравнить с нуль-размерной точкой, когда субъект становится своего рода пустым сосудом, полностью заполненным знанием об объекте, необходимо пройти своего рода процедуру очищения от идолов. Ф. Ницше впервые раскрывает тождественность процедур очищения субъекта новоевропейской науки (от страстей, индивидуальных привнесений, идолов рода, пещеры, языка и театра) с религиозной аскезой, подчиняющей человека системе жестких запретов и ограничений в обмен часто на иллюзорную возможность приобщения к всеобщему, сокровенному, божественному. В науке всеобщее и сокровенное отождествляется с истиной.

Формируемый столетиями образ жизни человека науки, его «возгонка» к субъекту всеобщего труда, неизбежно отдаляли науку от жизненного мира человека, изгоняя из сферы научной технологии случайное, субъективное, образно-чувственное, страдающее и индивидуальное. Став социальной машиной, институтом, разветвленной системой социальных организаций и процедур, наука всецело стала обслуживать социального, прежде всего, а не индивидуального субъекта, социальные технологии производства и власти. Научно-технический прогресс, изменяя предметную, вещную и технологическую среду жизни человека оказал вместе с тем самое непосредственное влияние на структуры повседневной жизни людей, обнаружив пределы технократического развития и породив серию цивилизационных кризисов.

В большинстве случаев представление о влиянии науки на структуры повседневности как раз и ограничивается ее воздействием на изменение вещно-технологической среды жизни человека. Но необходимо выделить еще как минимум три аспекта такого воздействия. Это непосредственное воздействие на человека, обеспечивающего добывание истины и формирование достаточно большого слоя людей особого типа. Уже Ницше писал об *идеальном ученом* как объективированном субъекте, со всей свойственной ему иронией показывая ущербность собственно человеческого в создаваемом наукой идеальном ученом. Идеальный ученый, этот объективный человек, читаем у Ницше, «представляет собою зеркало, привыкший подчиняться всему, что требует познания, не знающий иной радости, кроме той, какую дает познание, «отраже-

ние», он ждет, пока не придет нечто, и тогда нежно простирается так, чтобы на его поверхности и оболочке не пропали даже следы скользящих легкими стопами призраков. Все, что еще остается в нем от «личности», кажется ему случайным, часто произвольным, еще чаще беспокойным: до такой степени сделался он в своих собственных глазах приемником и отражателем чуждых ему образов и событий... Он потерял способность серьезно относиться к себе, а также досуг, чтобы заниматься собой... он орудие, он некое подобие раба, хотя без сомнения, наивысший вид раба, сам же по себе — ничто — *presque rien!* Объективный человек есть орудие; это дорогой, легко портящийся и тускнеющий измерительный прибор, художественной работы зеркало, которое надо беречь и ценить; но он не есть цель, выход и восход, он не дополняет других людей, он не человек, в котором получает оправдание все *остальное* бытие, он не заключение, еще менее начало, зачатие и перво-причина; он не представляет собою чего-либо крепкого, мощного, самостоятельного, что хочет господствовать: скорее это нежная, выдутая, тонкая, гибкая, литейная форма, которая должна ждать какого-либо содержания и объема, чтобы «принять вид» соответственно с ними, — обыкновенно это человек без содержания и объема, «безличный» человек. Следовательно, не представляющий интереса и для женщин, *in parenthesis* [2, 328—329]. Кроме того, наука, проникая во все сферы культуры и онаучивая структуры повседневности, создает разнообразные (но унифицированные по сути) пространства социальной дрессуры, тренинга, своего рода аскетического очищения с целью подготовки человека как субъекта научного поиска и технологического преобразования знания в вещные продукты. Этот аспект детально рассматривает Б. В. Марков в своей книге «Храм и рынок. Человек в пространстве культуры». Он пишет, что наука участвует в общецивилизационном процессе «не как малопонятный теоретический дискурс, а как форма повседневности, как реальная практика производства «человеческого» в культуре. Наука как институт обеспокоена не только производством знания, но и своей собственной жизненной проблемой — производством субъекта, способного к поискам истины. И поскольку в процесс открытия, сохранения, передачи и применения знания втянута значительная часть людей, не должен вызывать удивления тот факт, что школа и просвещение становятся обще-обязательными. Эти институты не исчерпываются функцией образования. На самом деле они выполняют роль производительных и дисциплинарных пространств, в которых происходит превращение школьника и студента с его органическими склонностями к свобо-

де, смеху, с его инфантильными желаниями в личность, способную к усидчивости и вниманию. Школьник — это аскет, подвиг которого сопоставим с терпением христианских подвижников. Таким образом, школа и университет, институт и лаборатория — это место не только для обучения, но и для преобразования тела и духа» [3, 37].

Наука, становясь социальным институтом, занимая доминирующее положение в культуре, приобретает и парализует многие черты, как это не покажется парадоксальным, сближающие ее с древними эзотерическими институтами жрецов, алхимиков, замкнутыми кругами политической элиты. Знание, добываемое учеными, попадает под контроль все более оттачиваемого инструментального разума бюрократии, властных структур, идеологических машин. Достаточно вспомнить судьбы генетики и генетиков в России или практически абсолютную закрытость от общественности экологической информации в Советском Союзе. Вместе с тем, автономизируясь, закрываясь от жизненного мира людей, наука через идеологические мифологемы, через технологически прогрессирующее тело социума всегда влияла на повседневность человека, однако влияние это было направлено на воспроизводство уже в структурах повседневности автоматизмов инструментального разума науки, подчиняющих индивидуальность через аскезу (социальное дисциплинирование) всеобщему. Отказавшись от жизненного мира человека как своего фундамента (в чем Гуссерль увидел причины кризиса современной науки), наука, как ни странно, стала влиять на жизнь в неизмеримо большем, чем прежде, масштабе. Наука, как подмечает Б. В. Марков, отнюдь не отстраняется от влияния на внутренние духовные практики человека. Пространство повседневности заполнено «незаметными, но всепроникающими оплутченными советами, консультациями и рекомендациями, которые разработаны чуть ли не на все случаи жизни» [3, 36]. Традиционный гуманитарный дискурс, казалось бы, непосредственно обращенный к человеку, значительно уступает науке в своем влиянии на него.

Интересно в этом плане проанализировать становление научного менеджмента, в рамках которого человек рассматривается как рациональный работник, всецело осознающий необходимость подчинения своего сознания и тела ритмам и автоматизмам машинного производства. Помочь в этом работнику, согласно Тейлору и его многочисленным последователям, должна была наука и ученый (сам рабочий никогда не поднимется до необходимых высот разума) в лице менеджера, администратора, стоящего с хронометром, приборами и расчетами оптимальных движений, картами

заданий и уроков за спиной рабочего. Сам Тейлор всегда сетовал на недостаточный уровень осознанности новых задач в рабочей среде и выдвигал стратегию, полностью созвучную духу Просвещения — он писал о необходимости ментальной революции, о необходимости полнейшей моральной перемены в общем отношении всех рабочих к своей работе, глубоко *моральном изменении всего умственного склада и привычек рабочих*, что может быть осуществлено лишь очень медленно, путем длинного ряда предметных уроков, в конце концов с несомненностью доказывающих каждому рабочему громадные выгоды, которые он может получить в случае искреннего сотрудничества в своей работе с представителями администрации [4, 72].

В России развитие научного менеджмента приобрело характер движения за научную организацию труда. Движение НОТ как идеология не только развернуло науку (в 1920-е годы в России было создано более двенадцати институтов по проблемам НОТ) к исследованию организации трудовой деятельности каждого человека, но и расширило легитимное пространство влияния науки на повседневность. В работах А. К. Гастева и других ученых НОТ вырастала в философию организации не только трудовой деятельности человека, но и, по существу, всей его повседневной жизни. Ореол науки и научности как способа организации жизни, как советчика и «света разума», как анклава «светил науки», пожалуй, не без влияния пафоса идеологов НОТ оказался особенно живуч именно в России и сохранялся вплоть до раскрытия шоковых форм все той же инструментальной рациональности (в виде научной идеологии советского марксизма) в произведениях А. Солженицына и до рассказов В. Шукшина, столкнувших мудрость простого народа с идолами инструментального разума.

Конец XIX и начало XX века ознаменовались нарастающей критикой науки. Критические рационалисты увидели в науке и технике идеологию господства, которая присуща им изначально и не может быть изъята без того, чтобы они исчезли. Одна из ярких фигур критического рационализма П. Фейерабенд показал тесную связь современной науки и идеологии и даже подверг критике монополию науки на достоверное и рациональное знание, монополию, по его мнению, искусственно поддерживаемую властью, в том числе и средствами идеологического мифотворчества.

Иной взгляд был характерен для М. Вебера. Рационализация понималась им как неизбежный и благотворный исторический процесс, приходящий на смену традиционным, например, сакральным формам легитимации. Наука является проводником и воплощением

ем идеального типа рациональности в такой ее форме, как целерациональность. Вебер видит опасность опущивания и технизации жизни, однако причиной этого он считает неправильное использование науки, ограничение форм рациональности в самой науке. Г. Маркузе считал, что возможны иные наука и техника, которые будут поддерживать отношения не господства, а сотрудничества и соучастия. Ницше, одним из первых выступивший с критикой новейшей европейской науки, вместе с тем не считал, что она сойдет со сцены истории. Но это произойдет только том случае, если на смену науке аскетов придет «веселая наука», растущая из игры и метаморфоз живой, действительной, повседневной жизни человека.

Третий аспект влияния науки на повседневность заключается в том, что именно наука выпускает джинна из бутылки, порождая «третий мир» — знания и новые информационные технологии их передачи. Это, действительно, выпущенный на волю джинн, или открытый ящик Пандоры, так как в отличие от всех остальных факторов воздействия науки на мир повседневности знания благодаря информационным технологиям становятся неподконтрольны собственному целерациональному механизму функционирования науки. Знания, которые изначально считались собственным внутренним продуктом науки, предметом ее монополии и подконтрольной передачи по каналам образования и технологического обеспечения производства, теряют свою эзотеричность и могут в самых неожиданных конфигурациях соединяться как с социальными, так и с индивидуальными субъектами.

Когда сегодня с все возрастающим пафосом и восторгом пишут об увеличивающейся роли знаний, о снятии барьеров обмена и распространения информации, о том, что новые носители информации делают доступными знания любому пользователю и более того, повсюду открываются новые возможности оперирования информационными моделями, этими символическими двойниками природы, реальности и самого человека, преобразуя и трансформируя именно эти модели в пространстве виртуальной реальности вместо столь жесткого и жестокого, становящегося небезопасным испытания самой природы, то невольно удивляет своего рода историзм и некое пренебрежение опытом философских реконструкций исторического развития науки.

Во-первых, в истории науки это далеко не первый опыт, когда развитие по пути эзотерического сменяется неизбежным «выбросом» знаний, накопленных наукой, в структуры повседневности. Во-вторых, обращение к историческому анализу развития науки в культуре ставит задачу пристальнее вглядеться в характер вбра-

сываемых наукой знаний, и в особенности культурных механизмов, обеспечивавших освоение (присвоение) этих знаний культурой, и в пути совладания человеком ситуациями информационного (знаниевого) взрыва:

Историко-культурный анализ позволяет, на наш взгляд, говорить об информационных обществах, или протоинформационных эпохах уже начиная с античности.

По крайней мере трижды в истории культуры происходили информационные взрывы. Первый можно связать со становлением науки в Древней Греции — возникновением новой формы знания — знания теоретического. Теоретическое знание, согласно многим современным философско-культурным реконструкциям, возникало как запрос на своего рода информационное обеспечение становления гражданина полиса. Знание, существовавшее до этого, находилось как бы в связанном виде, это было знание жрецов, архонтов и рецептурное знание ремесленников. Циркулировало это знание тоже только в пределах замкнутых социальных коммуникаций, оставаясь по существу эзотеричным. Теоретическое знание, отвечавшее новому социальному субъекту (гражданину полиса), не связанному кастовыми нормами и частными видами деятельности, сам процесс его выработки стали пространством свободного обмена и интеграции знаний, аккумуляции их у специалистов нового типа (мудрецы, философы, ученые) и приобщения к ним любого свободного гражданина полиса. По мере развития и накопления теоретических знаний сами процедуры их выработки, первоначально выраставшие непосредственно в мире повседневности (споры на агоре, доказательства в судах, ораторское искусство убеждения в сенате и опять же на рыночной площади и т. д.), стали все больше превращаться в особую технологию и восприниматься как достояние философов, ученых. Кризис цивилизации начинается с момента понимания того факта, что предельная общедоступность теоретического знания, особенно технологий доказательства и убеждения, представляет угрозу управлению и власти, чревата разрушением существующих устоев. Управлять учеными или просто образованными рабами становилось практически невозможно. Осуждение Сократа можно рассматривать и как реакцию власти на деятельность Сократа, которая впервые вышла за рамки академий и ликеев на улицы полиса и грозила сделать доступными каждому (в том числе и рабам) технологии диалектического доказательства и порождения знаний. Сократа можно считать первым просветителем человечества. Кроме того, через Сократа научные, теоретические знания впервые были обращены на

совершенствование самого человека, раскрепощение и развитие его мышления.

Античный мир не создал компьютеров и даже вычислительных машин (хотя первые приближения последних возникали уже тогда), однако возникшее теоретическое мышление настолько высвободило возможности человека в постижении мира, вызвало колоссальный рост знаний, смену картины мира и миропонимания в целом, что для того, чтобы совладать с новой ситуацией, должна была произойти целая революция в культуре. Главная проблема: с одной стороны, открытие новых возможностей человека, потенциальная доступность самой технологии теоретического мышления практически каждому прошедшему дрессуру образования и, с другой стороны, ценностная катастрофа, крушение иерархии власти, смыслов и порядков существования, что могло бы наступить вследствие действительно ставших массово доступными знаний, не уравновешенных отсутствовавшими в то время соответствующими ценностными регулятивами. Мы знаем, как распорядилась история. Век античного разума и расцвета теоретического мышления уступил место столетиям восхождения и расцвета мировых религий. На установление ценностных регулятивов потребовались века духовной работы и трепировки умов. Наука при этом заняла подчиненную роль, продолжая заниматься шлифовкой теперь уже логического аппарата доказательства, но в контексте решения схоластических проблем.

В античности берут начало и истоки второй информационной революции. Это переход от слова устного к слову письменному — рождение текстов и текстовой культуры. Христианская религия способствовала расцвету текстовой культуры уже потому, что слово Божие стало доступно человеку через Библию — этот первоисточник в истории человечества. Однако развитие текстовой культуры в Средневековье не привело к расширению доступности информации. Текст в отличие от устного слова, с одной стороны, многократно расширял возможности развития мышления и культуры в целом, так как стал основой оперирования символическими, абстрактными формами и моделями. Сохранение их в тексте объективировало и отчуждало информацию от их непосредственного посетителя — человека и тем самым позволяло развивать новые формы работы с этой информацией. Но, открывая новые возможности, текстовая культура, с другой стороны, позволяла включать и более действенные механизмы контроля над распространением информации, вводила такие формы контроля, которые было невозможно установить над словом устным. Кроме того, дороговизна

книг, их накопление в малодоступных для обычного человека местах (монастырях, библиотеках) также сокращали пути доступа к знаниям. Изобретение книгопечатания, появление дешевых книг, с одной стороны, стало одним из достижений развития науки, а с другой стороны, только в соединении с идеологией Просвещения стало основой нового массового выброса информации в повседневную жизнь человека.

Знание, вырабатывавшееся наукой Нового времени, — это не логико-теоретическое (универсальное как Космос) знание античности, не логико-символическое знание эпохи Средневековья, не гуманитарное знание Возрождения, но технологическое знание, знание — сила, знание — основа социальных технологий и социального действия. Век Просвещения вносил на своих знаменах не только пафос доступности знаний как орудия проникновения и утверждения разума, но и был озабочен моральными нормами и ограничениями, налагаемыми при этом на способы социального действия. Век Просвещения можно назвать самой морализирующей эпохой в истории человечества. И как это ни удивительно — гарантом моральности и справедливости все больше виделось не сознание отдельного индивида, но формы социального устройства и управления, разумно устроенное общество, разумное государство.

Развитие науки Нового времени привело к колоссальному накоплению инструментального технологического знания, которое должно было стать достоянием работника фабрик и заводов, производителя новой техники и технологий, но одновременно представляло еще большую угрозу обществу, так как предметом знания стали собственно технологии, и владеющий ими человек мог мгновенно приобрести небывалую и неподконтрольную власть не только в рамках конкретного государства, но и мира в целом. Сценарии захвата власти вследствие овладения уникальными технологиями и сегодня продолжают бить рекорды по их количеству в кинематографе. Такое знание должно было быть поставлено под еще более мощный контроль. Научить и научиться можно всему, но как сделать так, чтобы завтрашний выпускник школы по собственному почину не смог изготовить бомбу? Делая прорывы в области психогенных или ядерных технологий, было бы очевидным безумием допустить массовую доступность подобных знаний. Наука выпущена была вернуться к самым изощренным формам эзотеризма и гарантировать избирательный доступ к знаниям, что стало возможным только через слияние науки с политическими структурами власти. Последствия этого, как известно, оказались не только разумными, но и безумными, и разрушительными. Не-

вольно напрашивается вывод, что именно век Просвещения с его моральными императивами и опасениями как бы передал монополию на знания в руки политиков, сделав знания предметом и силой социальной магии власти.

В чем же суть современной информационной революции? Какого рода знания становятся доступными современному человеку благодаря новым информационным технологиям и какое место в этом процессе занимает наука?

На наш взгляд, информационные технологии расширяют прежде всего *возможности* доступа к информации. Но при этом, во-первых, нельзя забывать, что, по сути, не сняты запреты на доступность многих видов информации. Вряд ли свободно можно найти в информационной сети знания о поухау, или самую новейшую научную информацию, не прошедшую процедуры правовой защиты и т. д., или информацию, представляющую государственную тайну. По сути, многое остается по-прежнему закрытым от мира повседневности и находится под контролем властных структур. Во-вторых, в Интернете можно найти любую информацию в том смысле, что стирается разница между научными и ненаучными знаниями, знаниями и мнениями, знаниями и информацией и т. д. и создается впечатление, что знания — это любая информация, и наука уже не играет здесь главной роли. В-третьих, информационным взрывом можно считать расширение доступа именно массового пользователя к информации, при этом к информации не самого лучшего качества, хотя среди информационного массива есть и знания, в том числе и научные. Именно эта общедоступность знания составляет и прогресс, и одновременно проблему для общества.

Начинают трансформироваться очень многие структуры и порядки повседневности. Возрастание интенсивности потоков информации приводит к девальвации традиционных институтов, прежде всего сюда попадает институт образования, а также многие виды коммуникации и формы культуры. Вместе с тем становится все более очевидным, что пресыщение информацией ведет к разным формам дезориентации и дезинтеграции личности, и что беспокоит более всего, — к деградации творческого мышления, самой воли к творчеству как усилию над собой, к эмоциональной бедности, к символизации (виртуализации) моральных форм сознания и т. д.

Парадоксальность ситуации видится в том, что наука, как создается впечатление, как бы остается в стороне от этих процессов, как будто она не затрагивается ими.

В ракурсе историко-культурных реконструкций наука предстает как сфера культуры, порождающая не только новые формы

знаний, но и социальные механизмы контроля над формами распределения и доступности знаний, передавая часто эту функцию или объединяясь в ее выполнении с религией и политикой, с социальной машиной власти. Вместе с тем наука открывает и технологии, расширяющие возможности доступа к знаниям все более широким слоям населения, стихийно выступая при этом источником глубоких трансформаций в мире повседневности.

Человек может опираться на науку именно как на ресурс своего развития (а не как на базис технологической трансформации условий жизни) только в том случае, если наука соединяется со структурами повседневности, но не целерациональным (обращающим все в инструмент, технологию), но каким-то иным образом. Для этого есть два пути: а) изменение самой науки, становление новой научной культуры; б) изменение способов взаимодействия науки, научной культуры и мира человека в структурах повседневности.

О первом пути написано немало литературы и высказано прогнозов. Их суть сводится к прорисовке нового образа науки, анализу смены типов научной рациональности, обоснованию конца стандартной науки, отвечающей скорее миру Второй волны, ее замены иными формами организации научного дискурса. Автор статьи посвятила немало времени философскому анализу феноменов и проявлений новой научной культуры (см.: Андрюхина Л. М. Стиль науки: культурно-историческая природа. Екатеринбург, 1992). Но сейчас нас больше интересует вопрос возможности и путей изменения способов соединения науки с повседневностью. Такой ракурс может быть предметом особого интереса еще и потому, что, возможно, именно в этой сфере начинаются процессы, которые приведут (или не приведут) к трансформации собственных глубоких структур науки. Возможно, уже давно нужно сменить ориентиры исследования и идти не от науки к культуре (тем более что в этом случае мы неизбежно будем иметь дело с уже сложившимся и в чем-то заостренвшимся телом науки), но от культуры, от бытия человека — к науке.

Слово «повседневность» обозначает само собой разумеющуюся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик. В современной философии она раскрывается с двух крайних позиций: либо как нечто упорядоченное, традиционное и рутинное, обезличивающее человека, либо, напротив, как нечто спонтанное, обеспечивающее свободу индивидуальности.

Б. В. Марков предложил своего рода «топико-экономический» подход к рассмотрению повседневности. Поскольку повседнев-

ность — это не только мысли и переживания людей, но и деятельность, регулируемая нормами и институтами, то, как считает Марков, ее можно рассматривать «во-первых, как сложную ткань переплетения различных порядков, компенсирующую ослабление или разрушение их в одном месте за счет усиления в другом. Во-вторых, как сеть особым образом устроенных дисциплинарных пространств, в роли которых функционируют, например, храм и рынок, школа и фабрика». Они формируют, согласно Маркову, прежде всего пужный тип телесности, а также нормы и правила действия, которыми человек руководствуется в жизни [3, 291]. На наш взгляд, предложенный подход необходимо дополнить топико-культурными конфигурациями. Наряду с дисциплинарными пространствами в повседневности необходимо усматривать и событийно-культурные пространства, пространства культурных инноваций и инициатив, переозначиваний, ценностных локусов, идущих от индивидуальных конфигураций жизни и образующих как бы «просветы в стандартном бытии».

Информационная революция XXI века ведет в очередной раз к подрыву монопольного владения наукой, знаниями. В структурах повседневности это приводит к появлению субъектов нового типа — человек становится заинтересованным в получении знания об определенной технологии с целью самостоятельного осуществления различных видов деятельности (забота о своем здоровье, диагностика различных состояний, дизайн, различные виды самообразования и т. д.). Вот известное описание этого процесса (на примере медицинских наук) Э. Тоффлером. «Долгие годы врачи в Соединенных Штатах сохраняли недоступную для посторонних власть над медицинскими знаниями. Рецепты выписывались на латыни, обеспечивая эту профессию, так сказать, полусекретным кодом, который держал в неведении большинство пациентов. Медицинские журналы и тексты были адресованы только профессиональным читателям. Медицинские конференции носили закрытый характер.

Врачи контролировали учебные планы и прием студентов в медицинских школах и высших учебных заведениях. Сегодня у пациентов поразительный доступ к медицинским знаниям. Имея персональный компьютер и модем, кто угодно может войти в базы данных, такие как Index Medicus, и получить научные статьи обо всем, начиная с болезни Эдисона и заканчивая сифилисом, и, в сущности, собрать больше информации по конкретному недугу и его лечению, чем обычный врач из-за нехватки времени в состоянии прочитать.

Копии известной книги «Настольный справочник врача», насчитывающей 2554 страницы, легко доступны любому. Один раз в неделю по Libetime (сеть кабельного телевидения) каждый зритель может посмотреть 12-часовую непрерывную узкоспециализированную программу, предназначенную для повышения квалификации медиков. Иногда зрителей предупреждают: «Некоторые из представленных материалов не рассчитаны на широкую аудиторию». Но это уже дело телезрителя — решать. В остальные дни недели едва ли не каждая выходящая в эфир передача новостей в Америке содержит медицинскую информацию или сюжет. Видеоверсия материалов «Журнала американской медицинской ассоциации» транслируется сейчас 300 станциями вечером по четвергам. Пресса рассказывает о случаях преступной небрежности врачей при лечении больных. Недорогие книги в мягких обложках рассказывают рядовым читателям, от каких медикаментов какого эффекта ожидать, какие лекарства нельзя смешивать, как повысить или понизить уровень холестерина с помощью диеты. Кроме того, крупные достижения в области медицины, даже впервые опубликованные в специализированных журналах, передаются в вечерних теленовостях едва ли не раньше, чем доктор медицины, сделавший открытие, вытащит журнал из своего почтового ящика.

Короче говоря, монополия на знания в области медицинских профессий полностью разрушена. И врач уже больше не бог. Низведение врачей с трона — лишь один небольшой пример общего процесса. Во многих других сферах знания также ускользают из-под контроля узкого круга специалистов» [5, 125].

Другая тенденция, проявляющая себя по мере движения к информационному обществу, названа Э. Тоффлером «появлением производителя для себя». Под этим понимаются разные виды деятельности — от использования уже готовой технологии (например, тестов для определения беременности), роста различных видов самообслуживания («сделай сам») до изменения отношений между производителем и потребителем в целом и так называемой демаркетизации рынка. Последнее особенно интересно, так как прогнозируется, по существу, совместное участие производителя и потребителя в производстве товара или услуги, что вызвано тем, что потребление становится индивидуально конфигурированным, определяемым подвижными конфигурациями индивидуальных стилей и потребностей. Потребитель активно участвует уже на самых ранних стадиях производства, формируя свой индивидуальный заказ, включаясь в проектирование, высказывает свои идеи и пожелания, производит оценку продукта на различных стадиях его готовности и т. д.

Эти процессы наводят на мысль, что если наука стремится вписаться в новую информационную ситуацию, то, очевидно, должен происходить процесс становления *новой научной культуры*. Как в свое время наряду с фундаментальными, теоретическими науками стали активно развиваться науки прикладные, обслуживающие непосредственно технологические процессы на фабриках, заводах, в различных видах производства, так сегодня, очевидно, должен произойти еще один процесс: наряду с «Большой наукой», обеспечивающей развитие социальных технологий, возможно, должен формироваться сектор наук, обеспечивающих развитие индивидуальных технологий, или то, что Э. Тоффлер называет «производство для себя». Появление прикладных наук привнесло изменения в научную культуру, обусловило появление нового типа ученого (ученого-инженера) и нового типа научного исследования. Точно так же развитие наук, обеспечивающих индивидуальные технологии, будет связано с новым типом научной культуры, которую условно можно назвать *конфигуративной научной культурой*. Среди признаков такой культуры можно назвать новый тип связи ученого и потребителя знаний, работу на индивидуальный заказ, активизацию социальных исследований потребностей и повседневной жизни людей, возрастание роли стилевой компоненты как в научном исследовании, так и в предъявляемых результатах и т. д. Естественно, что большой объем работ в этом плане будет составлять компетентная научная поддержка человека как потребителя и производителя информации и знаний, как пользователя информационных технологий.

Другой канал выхода науки в структуры повседневности — традиционен (имел место при всех информационных взрывах в истории общества) — это выстраивание новых форм организации повседневной жизни, новых форм упорядоченности и новых дисциплинарных пространств. «Чтобы создать желаемую эмоциональную жизнь и здоровую психосферу для зарождающейся цивилизации будущего, мы должны, — пишет Э. Тоффлер, — признать три основных требования любой личности: потребности в общности, структуре и смысле». Так как общество Третьей волны разрушает прежние общности, структуры, организации и вносит хаос в умы людей, то с необходимостью нужно осознанно заниматься поиском и созданием новых форм общностей, потребуются больше консультантов и помощников в организации повседневной жизни (и их не заменит растущая армия психоаналитиков). Наука и ученые могут брать на себя роль консультантов, аналитиков, проектировщиков новых структур повседневности. Возможно, будет про-

сто необходима наука как сфера социальных, жизненных услуг. И это высокая миссия науки, по существу, возвращение к античному образу ученого-мудреца или следование конфуцианскому образу ученого, благородного мужа. Наука и научные знания при этом обретут новую функцию руководства в обретении *искусства (культуры) жизни*.

И, наконец, поскольку повседневность — это и событийно-культурные пространства, пространства культурных инноваций и инициатив, переозначиваний, ценностных локусов, идущих от индивидуальных конфигураций жизни, то предназначение науки видится также в развитии культуры творчества в целом и творческого мышления в частности. Для самой науки это как раз не ново. Наука всегда давала образцы и эталоны творческой деятельности. Однако практически никогда не стояла задача развивать культуру мышления не только у субъектов самой научной деятельности, но и у каждого гражданина грядущего информационного общества. Но именно сегодня, особенно на первых болезненных этапах вхождения в информационную эпоху, когда в обрушивающихся потоках информации происходит не рост интеллектуального потенциала и интеллектуальной творческой деятельности, но наоборот их деградация, особенно востребовано обращение к широкому диапазону гуманитарных практик развития мышления, и именно наука может выступить культурным регулятором в этих процессах. Обращает внимание то, что лавинообразно растет количество литературы (к сожалению, она почти вся переводная), посвященной технологиям, практическим рекомендациям, тренингам, системам практического развития мышления. Литература эта пользуется огромным спросом. Авторы многих книг — это известные ученые, менеджеры, деятели культуры. Достаточно назвать такие имена, как Э. де Боно, М. Дж. Гелб, Т. Вуджек, С. Ривкин, Ф. Сейтель, Дж. О'Киффи, Дж. И. Ниренберг, Р. Штернберг, М. Д. Чефиц и многие другие авторы известных бестселлеров и основатели целых школ по развитию мышления.

Таким образом, возможно, изменение форм научной рациональности в единстве с изменением форм взаимосвязи науки со структурами повседневности позволит науке занять свое место в контексте новой информационной цивилизации.

Образование как метапространство культурной коммуникации

Становление информационного общества помогает людям индивидуализироваться, создает возможности для каждого реализовать свой потенциал.

Возрастает, как это уже происходило неоднократно в истории,

личностная свобода и автономия человека. Это кажется значительным прогрессом, так как каждый раз человек может самостоятельно решить, что является истинным или ложным, красивым или некрасивым, моральным или аморальным. Легитимизируется личностное пространство как пространство выбора и ответственного решения. Так, в античности или в период религиозного реформаторства ценности, нормы, критерии оценки и основания выбора и предпочтения перемешаются из внешней (власть ритуала, рода, традиций, церкви) институциональной инстанции внутрь индивида и устанавливаются в нем как некий внутренний императив («Поступай так, как бы ты хотел, чтобы и другие поступали по отношению к тебе»). Но эмансипационный процесс каждый раз порождает серьезные трудности, угрожающие самому существованию общества.

Как автономные индивиды могут обеспечить совместное существование? Ответ, как правило, указывал на два возможных пути: а) возникали, формировались в культуре способы приращения новых человеческих качеств, ипостасей, размерностей личности, формирующих индивидуальное пространство ответственности, востребованное той или иной действительностью. Происходило своего рода сворачивание (или трансформация) внешних, выполняемых определенными социальными или культурными институтами функций в личностные качества индивида. Например, невозможность выполнять многие социальные функции крито-микенской аристократией во главе с архонтом приводит к формированию свободного универсального человека — гражданина — полиса; перемещение в силу несостоятельности церкви Бога внутрь человека приводит к формированию нового типа морального поведения индивидов, явившегося гарантом и критерием богоугодности человека, и т. д.; б) на смену сложившимся социальным формам и пространствам объединения людей, согласования, контроля и оценки их социального поведения всегда приходили новые дисциплинарные пространства, новая культурная топология и организация повседневного бытия.

Век Просвещения дал пример одного из вариантов культурно-исторического проектирования этих путей. Философия разума расширила маленький островок ментальности до размеров огромного архипелага в поисках оправдания автономности сознания. Разум — вот что обеспечивает единство свободных индивидов и делает это более надежно, чем родовые, сословные или религиозные связи. Опираясь на него, свободные индивиды могут отыскать истинные принципы и, используя их как своеобразную архи-

медову точку опоры, построить здание науки, избавиться от заблуждений и предрассудков, заключить общественный договор, обеспечивающий рациональное право на экономику. Считается, что философы эпохи Просвещения заблуждались относительно способности сознания рефлексивными путями удержать людей от эксцессов. Однако при этом не всегда учитывается, что за культурогемой разума надо видеть не только развитие индивидуальных рефлексивных способностей людей, способов познания и освоения действительности, но и складывавшиеся целерациональные формы организации жизни, входившие с алгоритмами универсализирующих производственных технологий и моральных норм (протестантизм и пуританство) и как набирающее силу бюрократическое устройство повседневности и форм власти. Все это формы разума, но разума не вообще, а в его определенных исторических границах (целерационального разума), обретшего свою культурную топологию (свое социально-институциональное тело).

В условиях современного вхождения в информационное общество встают те же вопросы: какова та новая высвобождающаяся индивидуальность, в чем состоят ее уникальные качества, которые становятся востребованными с развитием новой виртуальной реальности, и каковы те новые культурные пространства, которые обеспечат как тренинг и возвращение новых качеств человека информационной эпохи, так и условия интеграции и объединения свободных индивидуальностей?

На наш взгляд, функцию такого культурного интегрирующего и одновременно порождающего метапространства может взять на себя образование.

Это может выглядеть сегодня для многих достаточно неубедительным, так как именно образование подвергается самой острой критике и переживает один кризис за другим.

Но образование может стать таким культурным пространством, потому что, во-первых, оно не всегда выполняло транслирующие и сугубо воспроизводящие функции, а возникало (древнегреческая Пайдейя) как такая сфера деятельности, где вырабатывались новое знание и новый образ жизни и одновременно шло становление качеств человека через приобщение к знаниям и соучастие в творчестве; во-вторых, по сути, только образование выполняет уникальную функцию перевода знаний и ценностей во внутренний план человека, постоянно осуществляя поиск форм соприкосновения и сопряжения объективного и субъективного, глобального и индивидуального; в-третьих, именно образование (и именно это почему-то остается вне поля зрения теоретиков будущего инфор-

мационного общества) является самой активно развивающейся формой социальности, тесно переплетающейся с самыми различными формами организации повседневной жизни людей; в-четвертых, образование все больше приемлет и, как губка, впитывает самые различные культурные формы и ценности, являясь одновременно пространством межкультурной интеграции, и т. д.

В современной критике образования одним из лейтмотивов звучит достаточно резкая критика сциентистских установок. В ориентации образования только на передачу научно-теоретического знания видится его дегуманизирующая сущность. В соответствии со все объективирующей, целерациональной природой науки и процесс образования, согласно такой критике, видится как передача «ничейного знания», этого объективированного продукта, ничего не говорящего о человеческой стороне научной деятельности, необходимого только для того, чтобы из школы поступить в вуз, получить профессию и влиться в технологические процессы производства и управления.

В философско-методологических исследованиях наука в своем историческом развитии, действительно, чаще всего соединяется с техникой, технологией, научно-техническим прогрессом. Но рациональное обоснование технологий, выработка объективного знания, предельно отчужденного от человека, и как своего рода объективированный субъект становящегося основой, приводящей в движение машины и механизмы производства и социальной организации, — это только одна из ипостасей науки, и то получившая выражение в полной мере лишь начиная с Нового времени. Практически остается не исследованной другая сторона науки. С самого своего возникновения наука и научное знание тесно связаны, и более того, возможно, являются порождающим основанием другого социального явления — *образования человека*. Тем самым, исследуя сущность научного знания, всегда нужно видеть его социокультурную многомерность. Научное знание — это как мишмум двуликий Янус культуры, который одним своим ликом обращен к природе, объекту, технологиям, а другим ликом — к образованию человека. При таком подходе вряд ли оправданно видеть в науке и научном знании, в онаучивании повседневной жизни только процесс подчинения человека целерациональным технологиям и машинам власти (тем более что это было характерно только для одной из культурно-исторических форм науки). Через связь, исторический диалог науки и образования всегда шел поиск путей вочеловечивания знания, и не только в том смысле, как сделать знания более доступными освоению человека, но и в том, чтобы

выявить ценность и жизненные смыслы знания, критерии подлинного знания и пути к нему.

Аристотель, начиная свое произведение «О частях животных» пишет: «В каждой науке (высокая она или низкая) существует два пути к возможному изучению предмета. Один из них можно назвать научным познанием, другой же — образованием (Пайдейя). Только надлежаще образованный человек в состоянии судить, правильны или нет суждения другого человека. Это отличает и вполне образованного человека; под образованностью мы разумеем способность выносить правильное суждение. Такой человек имеет возможность сам судить практически обо всем, в то время как другие способны судить только относительно какой-либо одной области. Но и в специальных областях должны быть тоже люди, соответствующие описанному нами универсальному типу» (цит. по: [5, 22]).

Как минимум три существенных момента можно выделить в этом высказывании Аристотеля: во-первых, образование относится к науке как один из путей изучения предмета, без чего, очевидно, не мыслилась и сама наука; во-вторых, образованность становится условием социальной коммуникации; в-третьих, образование делает человека универсальным, а если обратиться к контексту возникновения древнегреческих городов-полисов, то это означало высвобождение ментальности человека из ограничений, накладываемых родовой, кастовой, профессиональной замкнутостью, что было главным условием становления свободного гражданина полиса.

Древнегреческая Пайдейя не только стала новым социокультурным пространством становления человека, но важно понять как раз неотделимость (даже этимологическую) ее сущности и реальности осуществления образования, просвещения, культуры (культурного развития), основанных на творческом отношении к знанию. В деятельности Сократа, трудах Платона и Аристотеля постоянно в фокусе размышления находились две ключевые проблемы философии образования: а) что можно считать добродетелями человека (арете)? и б) можно ли и каким образом обучить добродетелям?

Сократ, исследуя сущность добродетелей человека, впервые приходит к выводу, что в основе всех добродетелей лежит одна единая добродетель. Сущность этой добродетели — знание. В отличие от софистов, которые к знанию подходили чисто инструментально, Сократ и Платон именно в знании видят основание и критерий нравственности и совершенства человека. При этом зна-

ние, которое должно служить приращению добродетели, его содержание и истоки стали предметом постоянных поисков античных мыслителей. Это не специальное знание, не знание, взятое из опыта или передаваемое от родителей. Постоянно поднимается и дискутируется, как мы это видим, читая диалоги Платона, вопрос о том, можно ли вообще научить добродетели, передаваемо ли то знание, на котором она основана? В конечном итоге утверждается понимание, что добродетель зиждется на знании истинных ценностей. Для Сократа это знание Блага, меры во всем, это знание, соединенное с достойным образом жизни. В диалоге «Менон» Платон даже склоняется к тому, что такое знание открывается человеку во внутреннем опыте как некое откровение, как божественное знание; учитель, образование, государство должны только содействовать такому открытию.

То есть образование, а правильнее говорить Пайдейя, как культура жизни человека не было простым транслятором готовых научных истин, но лабораторией творческого поиска сопряжения знания и человека, знания и ценностей, знания и путей его постижения. Поиски Платона привели его к провозглашению Пайдейи питательной почвой культуры в целом, основой совершенствования человека и всей системы ценностей. Пайдейя и власть у Платона оказываются диаметрально противоположными понятиями. Человеческой природе присуще не стремление к власти, но стремление к культуре (Пайдейе). Платон считал, что Пайдейя — это не какая-то промежуточная станция на пути развития человека, на которой можно усовершенствовать его способности, но полагал, что она является возможностью совершенствования человека на протяжении всей его жизни. Философия же власти, по мнению Платона, сводится к учению о насилии. В жизни как природы, так и человека эта философия видит только борьбу и угнетение; поэтому насилие кажется ей оправданным. Весь смысл этого учения сводится к достижению высшей власти. Философия же воспитания, напротив, ставит перед человеком задачу совершенствования, то есть стремления к калокагатии [5, 146—147].

Современное образование на пороге вхождения в информационную эпоху, на наш взгляд, может стать подобно древнегреческой Пайдейе тем пространством культуры, которое позволит человеку обрести новую культурную идентичность. Но при этом должен существенно измениться сам мир образования. Черты этих изменений уже начинают проявляться в практиках образования. Выделим некоторые из них.

Первая черта образования информационного общества — это

превращение его в *многополюсный мир*. Понимаемое как культурное пространство развития человека образование не может быть жестко закреплено (как это происходит сейчас) за определенными местами и формами. Например, оно не может сводиться только к формальному образованию, или только государственному, или только к образованию на протяжении нескольких лет жизни человека, или к образованию, осуществляемому только в школах или вузах. XX век как раз продемонстрировал колоссальный рост многообразия в развитии образования во всем мире. Переход от стратегии «образование на всю жизнь» к новой международной стратегии «образование на протяжении всей жизни человека» привел к поиску новых форм образования. Активно развивается и становится в свою очередь культурным пространством поиска соединения знаний и ценностей, знаний и смыслов такая сфера, как образование взрослых. Здесь возникают такие новые образовательные практики, как образование под индивидуальный проект, интеграция образования и туризма, образования и досуга. Образование взрослых берет на себя функции ресоциализации, а в перспективе, на наш взгляд, будет многоместным (в том смысле, что оно не замкнуто пространством какого-либо из существующих институтов образования) пространством общения и поиска собственной идентичности человека.

Другим важным процессом в движении к многополюсному миру образования является осмысление образовательной функции организации и организационного развития. Любая организация видится как образовательное пространство, что меняет культуру и архитектуру организаций (обучающиеся организации, организации знаний, интеллектуальные организации), а вместе с этим архитектуру повседневной жизни человека. Растет роль негосударственных форм образования, а также неформальных объединений, выполняющих в том числе образовательные функции.

Именно образование, как это показывает история, порождает новые формы сообщества людей, новые формы коммуникации, диалога, которых культура не знала ранее. Это общение собственно по поводу знаний, обмена знаниями, прояснения истины и обретения смысла. Пример тому дает древнегреческая Пайдейя как культура образованного и образовательного общения, сократического диалога. Модель общения «Учитель — ученик» в Средневековье становится общей матрицей социальных отношений, значительно обогащаясь своими формами в Новое время (век Просвещения с его пространством салонов, открытых университетов, театров и площадей) и в современный период.

Прогноз, согласно которому образование в его пышнейшем виде будет заменено его виртуальными информационными формами, вряд ли состоится. Даже при самых развитых формах виртуального, дистанционного, телекоммуникационного образования будет сохраняться необходимость культурной идентификации, стилевого (резонансного) сопряжения знаний и качеств, обретенных человеком в конкретном сообществе, в конкретных условиях культурной среды. Поэтому наоборот будет возрастать потребность в многообразии форм реального (не виртуального) общения, в формировании своего рода новых культурных пространств общения и приобщения человека к культурной почве, питающей его идентичность и смыслы его жизни. *Образование как многополюсный мир*, не разграниченный внутри (как это происходит сегодня) институциональными барьерами, не монополизирующий те или иные виды культурного образовательного пространства, станет реальным пространством самоопределения и обретения личностью себя в обезличивающих потоках информации и наступающей новой весьма агрессивной «информационной рациональности».

Другая черта становящегося мира образования информационной эпохи может быть обозначена как становление *культурно-событийного пространства образования*. Образование все больше должно становиться средой моделирования и воспроизведения реальных ситуаций и контекстов жизни. Главный недостаток современного образования видится в том, что, наполняя сознание объективированными знаниями, оно мало что говорит человеку о способах устройства реальной жизни и поведения в ней. Это становится сегодня главным вопросом современной философии образования. В теории и практике образования просматривается уже достаточно много путей, приближающих к решению этого вопроса. Это и контекстное образование (А. А. Вербицкий), и проектный метод в образовании, обогащающее образование (Дж. С. Ризуллы, М. Холодная), развивающее и личностно-ориентированное образование, социокультурная дидактика (А. Эккер) и т. д. Важно, что и развитие науки сегодня позволяет пересмотреть основания культурной организации процесса образования. Речь идет о развитии синергетики, которая дает новый взгляд на соотношение случайного и необходимого, локального и глобального, уникального и общего, порядка и хаоса, позволяет понять и выстроить многие процессы не через подчинение диктату всеобщего, но в контексте конкретной ситуации.

Третьей особенностью мира образования в современную эпоху становится, на наш взгляд, его возрастающая *культуртрегерская*

миссия. Образование содействует заявлению и развитию культурных различий, которые сегодня все больше осмысляются не как основание для неприятия, но как величайшая ценность и условие развития человека и общества. Право человека быть отличным от других начинает обретать свои легитимные формы. Речь идет о развитии культурной демократии, понимаемой как необходимое условие культурной полиидентичности сообществ и индивида. Международная конференция, проведенная под эгидой Совета Европы в 1997 году «Образование за демократию как общественная задача» (Германия, Калов) была всецело посвящена разработке моделей межкультурного образования в современном мире. Было заявлено, что на смену модели глобального общества должна прийти модель мультикультурного, «узлового» общества, в которой доминирующими становятся не унифицирующие подходы, а подходы, основанные на признании важности культурных различий и необходимости развития пространства (узлов) культурных взаимосвязей. Концепция мультикультурного общества становится основой моделей мультикультурного и межкультурного образования. Совет Европы в развитии этой стратегии апробирует различные модели и тактики. Так, на протяжении последних двадцати лет произошел переход от проекта по специальному образованию для «разных по культуре» (экспериментальные классы для школьного обучения детей иммигрантов) к образованию для всех «с культурным параметром», к познанию культурного многообразия, к пониманию существования другого и к принятию способностей и навыков, необходимых для совершенствования и взаимодействия с разными культурами.

Мультикультурализм мира образования может быть осмыслен, на наш взгляд, не только в логике взаимопонимания различных национальных культур, но и как поиск нового синтеза различных областей и сфер культуры через образование. Наука, которая, по нашему мнению, должна остаться основанием развития образования, все больше должна вступать в диалог с другими формами культуры: искусством, религией, политической и правовой культурой и т. д. Только в таком диалоге возможно формирование ценностей и смыслов современного знания и познания, таких конфигураций знания, которые составят подлинное основание обретения человеком культурной идентичности, совокупности добродетелей или «арете» человека информационной эпохи.

Таким образом, в диалоге науки и образования в контексте культурного развития видится путь вочеловечивания информационного лика грядущей цивилизации.

1. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2000.
2. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
3. Марков Б. В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. СПб: «Алетейя», 1999.
4. Тейлор Ф. У. Принципы научного менеджмента. Контролинг. М., 1991.
5. Йегер В. Пайдсейя. Воспитание античного грека. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997.

А. М. Бекарев
г. Нижний Новгород

НАУКА: ИСТОРИЯ ОДНОЙ УТРАТЫ

История 1: грехопадение. Что толку от золотой диадемы? Не защитит ни от холода, ни от Солнца. Мало проку от роскошной безделицы. Впрочем, и вреда немного. Однако есть эстетический вид, который способен компенсировать баснословные затраты. Чаще всего так и бывает: чем меньше утилитарной пользы приносит вещь, тем меньше она приносит вреда. Но в итоге получается зазеркальный вариант, поскольку наименее полезные явления ввиду их малой вредности оказываются наиболее полезными, в то время как наиболее полезные явления (с точки зрения здравого смысла), оказываются наиболее вредными, и, стало быть, наименее полезными. В этом же духе высказывался Платон, рассуждая о всеобщей корысти. Ибо нет людей, которые сознательно вредили бы самим себе. Следовательно, все люди корыстны. Всякая роскошь в силу ее крайне ограниченного применения, обладает самоценностью. Молот и наковальня *служат* дляковки металла. Роскошь ничему не *служит*, разве что возвышает человека в собственных глазах, да приносит в ряде случаев эстетическое наслаждение. Между тем именно статус и красота полагают *человеческое* в человеке. И именно они являются как минимально вредными, так и максимально полезными.

Были времена, когда философия и умозрительная наука (во главе с математикой) претендовали на то, чтобы занять скромный по своим размерам ряд роскошных вещей. И хотя эти времена вместе с притязаниями и устремлениями погребены под толстым слоем сомнительных ценностей техногенной западноевропейской цивилизации, о них *невердно* вспомнить.

В эллинский период, когда греки удивлялись безответным вопросам, наука и философия еще тешили свое самолюбивое достоин-